

Плеск!

Из поверхности озера взметнулись несколько фонтанов воды, будто из недр пробудилось что-то живое, и вскоре на свет появился Цзян Синчжи в кольце рук Чжун Мина, который крепко держал его за талию, как будто боялся, что вода снова утащит его в глубину; затем он понёс его обратно к берегу, шагая по водной глади, будто по сухой земле, чёрные одежды прилипли к телу, но движения его оставались уверенными, как у хозяина стихии.

Только когда оба ступили на твёрдую землю, он наконец отпустил его, не говоря ни слова, лишь с лёгким напряжением в плечах, словно всё ещё чувствовал вес опасности, висевшей над ними в глубинах. Оба были промокшими до нитки, капли воды падали с волос, впитывались в почву, оставляя тёмные пятна, будто кровь времени, просочившаяся сквозь века.

— Что случилось? — воскликнула Пэй Ин, бросаясь к ним вместе с двумя старшими братьями.
— Ты... ты не утонул?

Они стояли у кромки воды, оцепенев, когда видели, как Цзян Синчжи погрузился в озеро и долгое время не двигался, пока внезапно не появился снова, вырванный из глубины, как душа, возвращённая с того света.

Цзян Синчжи отвернулся, слегка покашлял:

— Нет...

Пэй Ин выдохнула с облегчением:

— Слава богам. Я уже подумала, что с тобой что-то случилось.

Чжун Мин стоял чуть в стороне, лицо его, омытое водой, казалось высеченным из ночного камня — холодное, безмятежное, прекрасное до жестокости. Он выпустил тонкую нить истинной сути, и одежда мгновенно высохла, будто никогда и не была мокрой. Затем он повернулся к Цзян Синчжи:

— Высуши себя.

— Я не простужусь, — ответил тот, не торопясь.

— Речь не об этом, — произнёс Чжун Мин, сдерживая раздражение, которое уже начинало давить на виски, как предвестие головной боли.

Перед ним стоял человек, промокший до костей: чёрные волосы прилипли к плечам, переплетаясь с темно синими полосами одежды, будто два потока слились в один; широкие

плечи, узкая талия, линии тела ... такие, что невозможно было отвести взгляд, будь ты мужчиной или женщиной. И даже сейчас, после всех треволнений, в нём ощущалась какая-то странная, почти животная притягательность, от того, что он был одновременно хрупким и невероятно живым.

Вокруг него собрались трое из секты Юйхуа, продолжая оживлённо переговариваться, особенно Линь Куо, молодой ученик, который несколько раз бросал на Цзян Синчжи взгляд, потом краснел и быстро отводил глаза, будто боялся быть пойманным на чем-то запретном.

Терпения Чжун Мина хватило не на долго. Он шагнул вперёд, мягко, но решительно отстранил Цзян Синчжи от группы, встав между ним и остальными, создавая невидимый барьер.

— Тебе приятно стоять мокрым и холодным? — Строго спросил он.

— В основном это делает меня... блестящим и сочным, — ответил Цзян Синчжи, проводя ладонью по волосам.

— .....

Ощувив на себе пристальный взгляд, полный немого упрёка, Цзян Синчжи опустил голову и выпустил волну духовной энергии, которая быстро высушила его тело и одежду.

Пэй Ин, всё ещё державшаяся за руку старшего брата, вдруг расплылась в улыбке, и на лице её появилось выражение: «А-а, теперь я всё поняла~».

Но хотя одежда и стала сухой, ворот, порванный щупальцами Сыцао, так и остался раскрытым, обнажая часть шеи и плеча. Чжун Мин мельком взглянул на это, помолчал, затем достал из сумки плащ и накинул его на Цзян Синчжи, плотно закутав, словно боялся, что кто-то ещё увидит больше, чем нужно.

— Надень пока это.

Цзян Синчжи, поправляя плащ, вдруг замер:

— Это же тот самый... который ты мне дал, чтобы подкладывать под...

— Цзян Синчжи.

— Я просто хотел сказать, он кажется мне странно знакомым.

— Хехе.

Когда одежда была окончательно приведена в порядок, Цзян Синчжи нашёл место, где можно сесть, и опустился на камень, оглядывая снова спокойное озеро Юйпо перед собой. Ни один наблюдатель не мог бы представить, какие тайны скрываются под этой гладью, какой цветок спит на дне, охраняемый тысячами живых корней, какая сила медленно собирается, готовясь разорвать границу между мирами.

Его давно мучил вопрос: почему тайный мир Конкюань открывается именно здесь? Почему для его активации требуются бесчисленные редкие материалы, словно это не формация, а древний ритуал? Теперь он начал подозревать, что всё связано с тем цветком.

Небо и земля имеют дух. Все вещи рождаются через впитывание и выделение энергии. Возможно, день, когда этот цветок распустится, и станет моментом открытия тайного мира, когда драконья жила проснётся, а слабая вода перестанет быть преградой.

— О чём задумался?

— Думаю остаться и понаблюдать ещё несколько дней, — ответил он.

— Я спущусь вниз. Ты останься наверху.

— Но ты не знаешь, что нужно искать.

— .....

На мгновение повисла тишина.

Чжун Мин понял, что упрямство Цзян Синчжи не поддаётся логике. Этот человек всегда хочет видеть истину собственными глазами, а не принимать её на веру.

Он почти неслышно вздохнул.

— Тогда я спущусь с тобой, — Прейдя к внутреннему компромиссу, наконец сказал он.

Как раз когда Цзян Синчжи собрался ответить, из глубины памяти всплыл тот момент на дне озера — ощущение чужих рук, крепко сжимающих его талию, прижимающих к груди с такой силой, будто он не человек, а драгоценный сосуд, который нельзя потерять; и это чувство, казалось, всё ещё оставалось на коже, как тепло после прикосновения, заставляя даже его всегда прохладные щёки слегка порозоветь.

Он кашлянул, чтобы скрыть замешательство:

— Не нужно. Я спущусь один.

И, словно подтверждая свои слова, чуть отодвинулся в сторону, будто между ними уже образовалась пропасть, которую нельзя переступить.

Чжун Мин посмотрел на него — взгляд его был проникающим, как божественное сознание, способное видеть не только плоть, но и саму суть:

— Я только что держал тебя. Тебе было некомфортно?

Он произнёс «держал тебя» так прямо, без намёков, без прикрас, что даже Цзян Синчжи, привыкший ко всему, на мгновение потерял дар речи, а лёгкая неловкость, терзавшая его сердце, внезапно испарилась, будто её и не было.

Цзян Синчжи провёл ладонью по груди, будто проверяя, на месте ли там совесть, и искренне, почти с сочувствием, спросил:

— У тебя... нервы, случайно, не из камня?

Казалось, такие люди действительно существуют в мире — те, для кого все вещи равны, кто не различает прикосновений, взглядов, расстояний. Особенно такие, как Бай Му, стоящий на вершине Трёх Миров, возможно, видящий всех вокруг как редис и капусту в поле, одинаково зелёные, одинаково беспомощные перед зимой.

Чем больше он об этом думал, тем более это казалось ему правдоподобным:

Может быть, когда Чжун Мин вытаскивал его со дна, он действительно чувствовал, что держит не человека, а пучок буйно трепыхающихся водорослей, которые вот-вот утонут, если их не спасти.

Чжун Мин приподнял бровь. На губах снова появилась знакомая холодная улыбка, будто он смотрит на ребёнка, который только что сказал глупость, но делает это с таким серьёзным лицом, что не можешь не улыбнуться.

— .....«каменные нервы»? — повторил он, растягивая слова.

Цзян Синчжи кивнул с полной уверенностью.

Чжун Мин посмотрел на него закутаного в его плащ, на лицо, сияющее открытием истины, и вдруг не сдержался и из груди вырвался короткий, тихий смешок.

— Хех, — произнёс он. — Интересно, у кого же на самом деле каменные нервы?

— Что? — не понял Цзян Синчжи.

Но Чжун Мин обошёл этот вопрос, как воин обходит ловушку:

— Значит, ты злишься?

— Почему я должен злиться? — ответил тот, ровным, почти обиженным голосом. — Я просто...

Он снова попытался отодвинуться, но тут же, осознав, что это выглядит подозрительно, сделал шаг назад, будто возвращаясь на своё место, и добавил:

— Я не неблагодарный.

Всё дело было в том, что раньше с ним такого не случалось. Он всегда был тем, кого толкают вперёд, чьей силой пользуются, чьё имя вызывает трепет. Он никогда не оказывался тем, кого вытаскивают, кого защищают, кого держат, с такой решительностью, будто его жизнь имеет значение.

— Правда? — Почувствовал он легкий взгляд сбоку.

— Конечно, — сказал Цзян Синчжи, кладя руку на сердце. — Клянусь своей совестью.

Чжун Мин посмотрел на него.

Это был первый раз, когда он видел, как кто-то клянётся на чём-то, чего у того вообще нет.

***

Когда всё было выяснено, отношение Цзян Синчжи к Чжун Мину вернулось к привычному лёгкому, насмешливому и почти игривому состоянию, как будто и не было того мгновения, когда их тела соприкасались в глубинах озера, а взгляды задерживались дольше, чем нужно.

Поскольку они решили остаться и понаблюдать ещё несколько дней, он уже на следующее утро приготовился снова спуститься ко дну.

Чжун Мин шёл за ним, голос его звучал ровно, но в каждом слове чувствовалась скрытая угроза:

— На этот раз не действуй опрометчиво. Иначе...

Он не договорил. Не стал уточнять, что будет «иначе». Но оба знали.

Цзян Синчжи кивнул:

— Я понял.

У озера стояли трое учеников секты Юйхуа. Увидев, как они вновь подходят к воде, Пэй Ин вскочила на ноги:

— Вы снова туда?!

Цзян Синчжи лишь слегка кивнул им в знак признания.

— Будьте осторожны. — Помедлив, прошептал Линь Куо.

— Не волнуйся, всё под контролем, — ответил Цзян Синчжи, улыбаясь.

Пэй Ин бросила на старшего брата многозначительный взгляд и передала ему мысленно:

— Второй старший брат... только не говори мне, что ты влюбился в Владыку Цзяня...

Линь Куо, по своей природе застенчивый, сразу покраснел:

— Не говори глупости! Это просто восхищение!

Их тайное общение было очевидным, как свет луны в ясную ночь. Не зная, о чём они шепчутся, Чжун Мин бросил на них короткий взгляд, но увидев, как Линь Куо снова и снова бросает взгляды на Цзян Синчжи, как щёки его горят, он едва заметно усмехнулся.

— Ты хочешь совершить все двенадцать прощальных церемоний, прежде чем погрузиться? — Усмехнувшись спросил Чжун Мин, видя, что тот все еще о чем то разговаривает с троицей.

— Да ладно, куда ты так торопишься то? — Смущенно улыбаясь, парировал Цзян Синчжи.

С этими словами он активировал истинную суть и двинулся вслед за Чжун Мином, думая про себя, что тот сегодня особенно нетерпелив.

Второе погружение в сердце озера прошло намного легче, чем в первый раз.

Они быстро достигли места, где на дне скопились плотные заросли Сыцао. Те, почувствовав приближение живых, взметнулись со всех сторон, как тысячи змей, пытаясь окружить их, обвить и затянуть в бездонную тьму.

Чжун Мин схватил Цзян Синчжи за запястье, мягко, но решительно притянул его за спину и одним движением выпустил поток истинной сути — такой острый, что воздух под водой рассекался, как лёд под клинком. Щупальца, летящие вперёд, обращались в пыль до самого основания.

— Осторожнее с корнем. — Напомнил Цзян Синчжи.

Рука, державшая его, на миг замерла. Сам он тоже остановился.

— ...Я имел в виду... их корни.

— Нет нужды специально пояснять, — ответил Чжун Мин, не оборачиваясь.

Щупальца падали, как скошенная трава, но тут же начинали расти снова. Два фигуры продвигались вперёд, медленно, но неуклонно, пока наконец не оказались рядом с цветочным бутонем.

Глядя на широкую спину перед собой, Цзян Синчжи внезапно вспомнил давно забытую сцену —

Моменты, когда кто-то защищал его, были редкостью.

А те, что случались, все принадлежали одному человеку — Сюй Цзяню.

Когда они входили в тайные миры, добывали Огонь Истинности, искали шансы в бездне — даже если секунду назад сражались друг с другом, в следующий момент Сюй Цзянь всегда оказывался впереди.

Но тогда он думал лишь о том, что такое поведение было не защитой, а вызовом, и желанием быть всегда впереди.

— О чём задумался? — вдруг спросил Чжун Мин, поворачиваясь.

Цзян Синчжи тут же опустил уголки губ, хотя один из них уже успел приподняться:

— Ни о чём. Просто вспомнил одного человека.

Бах!

Очередная волна Сыцао вокруг них взорвалась в порошок.

Рука, сжимавшая его запястье, сжалась ещё сильнее. Голос, упавший сверху, был холоднее воды на дне озера:

— У тебя хватает наглости думать о ком-то ещё в такой момент?

— .....

Цзян Синчжи молча опустил глаза:

— Больше не буду. Концентрация. Внимание.

Только тогда Чжун Мин снова повернулся вперёд, но руку он так и не отпустил, наоборот, сжал крепче, как будто хотел оставить отметину.

Цзян Синчжи, осознав свою вину, собрался с мыслями. Действительно, любой, кто сражается на передовой, разозлится, если тот, кто должен прикрывать ему спину, будет летать в облаках.

По мере приближения к центру озера активность Сыцао усиливалась. А вместе с ней и холод. Он становился всё пронзительнее, проникал в кости и душу, как будто сама смерть дышала им в затылок.

Чжун Мин остановился и наконец отпустил его руку:

— Подожди здесь. Я подойду ближе, проверю.

Цзян Синчжи замялся:

— Ты вообще знаешь, что искать?

— Скажи мне и я буду знать.

Увидев, что он всё ещё колеблется, Чжун Мин поднял руку и лёгким, но твёрдым движением прижал её к затылку Цзян Синчжи, удерживая того на месте.

Вокруг них бушевали Сыцао — вились, рвались, рубились, снова росли, создавая хаос, в котором эти двое образовали карман стабильности, как два камня в бурном потоке.

— Если вдруг снова начнёшь вести себя как в прошлый раз, — сказал он глухим голосом голос, — тому, кто будет греть тебя после этого, снова достанется вся работа.

— .....

Образ той ночи в пещере всплыл в памяти, яркий, как факел.

Цзян Синчжи сдался:

— Хорошо. Будь осторожен.

Только после этого рука на его затылке опустилась.

Он смотрел, как фигура Чжун Мина растворяется в темноте, уходя ко дну, и невольно провёл пальцами по тому месту, где только что была чужая ладонь.

Не нужно было повторять жест, чтобы вспомнить. Сила мастера уровня Махаяны действительно была велика.

Чжун Мин без особого усилия приблизился к бутону, исследовал его, затем поплыл обратно.

— Как ты себя чувствуешь? — Не дожидаясь пока тот подплывет спросил Цзян Синчжи.

— Холодно. Мёрзну. — Не поднимая глаз, ответил Чжун Мин.

Цзян Синчжи чуть не съёжился.

Мёрзну — это слова, которые он никогда не ожидал услышать от уст Бай Му.

...Неужели там действительно так холодно? К счастью, он остался снаружи.

Подводные течения были сильными, в них чувствовались скрытые опасности, поэтому они не задерживались.

Цзян Синчжи изначально опасался, что им будет трудно согласовать действия, но, к удивлению, Чжун Мин оказался чрезвычайно внимательным, будто интуитивно понимал, какие расчёты нужно провести, какие энергии измерить, как интерпретировать колебания

пространства.

Вскоре он вернулся.

— Пора возвращаться, — сказал он.

И тут же схватил руку Цзян Синчжи:

— Опять холодная.

Цзян Синчжи, увидев его обеспокоенный взгляд, слегка улыбнулся:

— Привыкаешь.

Чжун Мин слегка нахмурился:

— Подумаем о том, что можно сделать с этим позже.

Цзян Синчжи посмотрел на него странно:

...Сделать с тем, чтобы... привыкнуть?

<http://bllate.org/book/15487/1373263>